

СТИЛИЗАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ И КОМПОЗИЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЖАНРОВ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Статья освещает особенности функционирования религиозной лексики в творчестве Марины Цветаевой. Помимо анализа представленности лексики денотативно-идеографической группы «Религия», в статье рассматриваются примеры включения богослужебных цитат, жанровых форм религиозного дискурса (молитвы, гимна, жития святого). При этом религиозная лексика, аллюзии на сакральные тексты употребляются вне какого-либо религиозного контекста, для поэта они являются прежде всего языковым средством достижения эстетического и эмоционального воздействия.

Ключевые слова: Марина Цветаева, денотативно-идеографическая группа, религиозним, архитекстуальный приём, окказиональность.

Марина Цветаева родилась в семье людей беззаветно, абсолютно преданных своему делу, своей страсти. Отец — Иван Цветаев — созданию первого в России музея скульптуры. Цветаева вспоминала: «Рядом с ним жило не очень понятное слово “музей”», которое они воспринимали иногда как имя или звание человека. Сам Цветаев записал в дневнике весной 1898 года, когда в доме было особенно много посетителей по делам музея: «...детвора, заслышав звонок, кричала на весь дом: “...папа, мама, няня — ещё Музей идет”» [18, 8]. Отец был не просто занят хлопотами по созданию первого в России музея классической скульптуры, но целиком погружён в это дело, ставшее смыслом его жизни. Мать — Мария Мейн — талантливая пианистка, состояться которой не позволил её отец, считавший неприемлемой подобную профессию для дочери. Поэтому Мария Мейн растила музыкального гения из своей дочери Марины, которая, слава Богу, обладала абсолютным слухом. Представляется, благодаря и этому поэзия Цветаевой абсолютно музыкальна, ритмична.

---

* Ольга Александровна Гассельблат — кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения русскому языку как иностранному Института русского языка как иностранного РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация); olyah77@mail.ru

Религия в семье не навязывалась. Отец был религиозен, но без какого бы то ни было ханжества, мать также по-своему верила в Бога. Дети росли в сознании, что Бог — есть, этого казалось достаточно [18, 34]. Мать Марины Цветаевой умерла в 1906 году, когда Марине было 14 лет. Без исповеди, отпевания — семье это не казалось необходимым.

Раз и навсегда было определено, что в воспитании детей важно лишь духовное: искусство, природа, честь, свобода, презрение к материальному, смелость, жертвенность, отнюдь не в религиозном смысле, а, я бы сказала, в «артистическом» (от франц. *Art* — искусство). Здесь можно привести такие примеры из биографии поэта: в разгар революции Цветаева демонстративно ходила с форменным кадетским ремнём, в разгар Первой мировой войны воспевала Германию. В середине тридцатых ею была написана Поэма о Царской семье. Цветаева, уже будучи в эмиграции, не была монархисткой, не была связана с правыми кругами эмиграции: «У правых — по их глубокой некультурности — не печаталась совсем» [18, 240]. В это время её с мужем Сергеем Эфроном скорее подозревали в большевизме, чем в монархических чувствах. В период религиозного террора, разрушения храмов она стремилась давать стихотворениям названия церковных праздников: «Канун Благовещения», «Вербное воскресенье», «3-й день Пасхи». Елена Айзенштейн [1] пишет об этом как о стремлении соединиться с дореволюционной Россией. Нам видится в этом также отчаянная смелость и свобода поэта. Окружающее её уничтожение Церкви усиливало обращение к религиозным образам и темам. Получившая воспитание в дореволюционной России, Цветаева хотя и не имела строгого религиозного воспитания, безусловно, хорошо знала православную культуру и её уничтожение не могла воспринимать равнодушно. Возможно, этим обусловлено большое количество религиозной лексики в стихотворениях Цветаевой.

Сплошная выборка религиозных лексем из сборника избранных стихотворений и поэм Марины Цветаевой [16] позволяет отметить некоторые особенности. Денотативно-идеографическая группа (термин Л. Г. Бабенко) «Религия» в рассмотренном нами сборнике Цветаевой включает 1351 словоупотребление. Наибольшее количество религиозимов этого сборника относится к группе «Церковь: сооружения, предметы, священноначалие» — 282 единицы. Р. И. Горюшина определяет термин «религиозим» как слово или составное наименование (устойчивое сочетание) религиозной сферы употребления, являющееся обозначением конфессионального понятия [4]. Особенно значимым представляется большое количество наименований различных церковных служб. Картина мира автора включает знание практически всего годового цикла. Представлены не только наименования таких известных служб как *литургия*, *панихида*, *венчание*, но и частей церковной службы: *повечерие*, *вечерня*, *поздняя*, *обедня* и т. д. Таким образом, эта группа лексем даёт нам представление о картине мира как будто воцерковленного человека (хотя бы в ранний период своей жизни), который особо почитает любимых святых — это святой Георгий Победоносец (эти именем Цветаева хотела назвать своего сына), любимую икону — Иверскую икону Божьей Матери, любимый церковный праздник — Благовещение («В Благовещение, в праздник мой...», 1916). Отметим более частое использование поэтом разговорных неполных вариантов названий монастырей и икон: *Новодевичий*,

Иверская, Спас и т. д., обилие диминутивов: *церковка, иконка, часовенка, крестик, кресток* и т. д.

На фоне сказанного показательным и ярко иллюстрирующим авторскую картину мира является также наличие многочисленных стилизаций синтаксической и композиционной составляющих религиозных жанров в стихотворениях автора. Частым можно назвать архитектуральный приём (термин Н. Ю. Фатеевой «архитекстуальность» определяется исследователем как «жанровая связь» разных текстов [15, 149]), а именно использование поэтом «рамки» известных канонических религиозных произведений в стихотворениях обычно вне религиозной тематики. Приведём несколько примеров. Прежде всего, это тексты, представляющие собой интерпретации молитв «Достойно есть...» (Ср. стихотворение из цикла «Подруга»), «Богородице Дево радуйся...» (Ср. стихотворение «Канун Благовещенья»), древнего церковного гимна, входящего в состав вечерней службы «Свете тихий...» (Ср. стихотворение «Ты проходишь на запад солнца» из цикла, посвящённого А. Блоку). В отличие от перечисленных религиозных текстов, обращённых к Богу, к Богородице, цветаевские интерпретации отличает их принципиально нерелигиозный характер. Адресатами стихотворений становятся возлюбленный или возлюбленная поэта. Таким образом, Цветаева создаёт свой пантеон обожествляемых современников. «Сакральный ореол» церковных текстов через включение автором «канонических» лексических конструкций как бы переносится на авторский текст, создавая некий «энергетический посыл».

В своих младенческих слезах —

Что в ризе ценной,

Благословенна ты в женах!

— **Благословенна!**

У раздорожного креста

Раскрыл глазочки.

(Ведь тот был тоже сирота, —

Сынок безотчий.)

В своих младенческих слезах —

Что в ризе ценной,

Благословенна ты в слезах!

— **Благословенна.**

<...>

Твой стан над спящим над птенцом —

Трепет и древо.

Был благовест ему отцом, —

Радуйся, Дева!

В его заоблачных снегах —

Что в ризе ценной,

Благословенна ты в снегах!

— **Благословенна.**

<...>

Огромного воскрылья взмах,

Хлещущий дых:

— **Благословенна** ты в женах,

В женах, в живых (16, 194).

Представлены фрагменты из цикла «Подруга», посвящённого Н. А. Нолле-Коган, ожидающей ребёнка, Цветаева отождествляет свою знакомую с Богородицей. Рефреном этих двух стихотворений являются части молитвы «Богородице Дево, радуйся». Но молитва и обожествление направлено не к Божеству, а на близкого любимого человека. Поэт использует «рамку» сакрального текста как будто не для молитвы, а для заговора, который отвратит все беды и защитит будущую мать.

Следующий пример представляет собой интерпретацию на этот раз церковного гимна:

<p>Ты проходишь на Запад Солнца, Ты увидишь вечерний свет, Ты проходишь на Запад Солнца, И метель замечает след.</p> <p>Мимо окон моих — бесстрастный — Ты пройдёшь в снеговой тиши, Божий праведник мой прекрасный, Свете тихий моей души.</p> <p>Я на душу твою — не зарюсь! Нерушима твоя стезя. В руку, бледную от лобзаний, Не вобью своего гвоздя.</p> <p>И по имени не окликну, И руками не потянусь. Восковому святому лику Только издали поклонюсь.</p> <p>И, под медленным снегом стоя, Опущусь на колени в снег, И во имя твоё святое Поцелую вечерний снег —</p> <p>Там, где поступью величавой Ты прошёл в гробовой тиши, Свете тихий — святая славы — Вседержитель моей души (16, 113).</p>	<p>Свете тихий Святѣя славы, безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго Блаженнаго, Иисусе Христѣ: пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поём Отца, Сына, и Святаго Духа, Бога. Достойн еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот дай: темже мир ты славит (Песнь «Свете тихий» — один из древнейших сохранившихся гимнов ранней Церкви).</p>
---	---

Стихотворение относится к циклу стихов, посвящённых А. Блоку. Во-первых, в этом стихотворении можно наблюдать, как вопреки первоисточнику — церковному гимну, обращённому к Христу — автор посвящает свою «молитву» Александру Блоку, одевая этого поэта в «мессианские одежды». Конец жизни Блока уподобляется последним дням жизни Христа, а сам поэт признаёт себя учеником, последователем, т. е. «апостолом». Религиозная лексика и ореол древнего гимна создают образ светло умирающего поэта, незамутнённо, бесстрастно, честно прожившего свою жизнь. «Рамка» древнего гимна влечёт за собой интуитивное обращение поэта к старославянским

устаревшим формам слов: *лик, лобзаний, стезя*. Несмотря на дату написания стихотворения — май, автор интуитивно подбирает такие погодные и темпоральные репрезентанты как снег, слабая метель, угасание дня. Все эти языковые средства и создают ощущение чистоты, тишины и торжественности вокруг умирающего поэта.

Интересным примером работы поэта с религиозными формами является цикл «Маяковскому». Можно отметить не только включение богослужебных цитат:

<p>Много храмов разрушил, А этот — ценней всего. Упокой, Господи, душу Усопшего врага твоего (16, 404–411).</p>	<p>Молитва о усопших: Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего [или рабы Твоя] (имярек), и прости ему [или ей] вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему [или ей] Царствие Небесное.</p>
---	--

Но и окказиональные сочетания лексем советско-большевицкого дискурса и религиозной лексики:

Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору **пролетарского Синая**,
На котором праводатель — он (16, 404–411).

Пролетарий — «наёмный рабочий», в словаре аргос В. С. Елистратова [5] — «неудачник, тот, которому всё время не везёт. Шутл.». *Синай* — в Словаре православной церковной культуры — «гора, на которой Бог явился Моисею». Маяковский в этом фрагменте — «моисей», ведущий русский упрямый народ-богоборец («Гору горя своего народа / Стапятидесяти (Госиздат) / Миллионного...»). Обратим внимание, что Цветаева здесь безбожником называет русский народ, а не поэта.

Весь цикл из семи стихотворений построен в жанре жития святого: рождение, деяния и чудеса при жизни, смерть, описание посмертной жизни. В цикле образ поэта создаётся метафорами: *гора пролетарского Синая, в сапогах свидетельствующих* (намёк на апостольство), *богоборцем разрушен сегодня последний храм* (имеется в виду самоубийство поэта, ср. христианское представление о теле человека как о храме души). Певец революции описывается религиозными образами. В какой-то степени этому послужило творчество самого Маяковского, обильно употреблявшего религиозную лексику в своих текстах, что позволило некоторым исследователям говорить о нём как о «религиозном атеисте» [17]. Цветаева же произносит молитву к Богу с просьбой о его прощении и упокоении его души, ведь Христос призывал любить и прощать своих врагов (так изначальное слово *раб*, присутствующее в молитве, символично заменяется словом *враг*, создавая двойную аллюзию).

Приведённые примеры стилизации религиозных жанров в творчестве отнюдь не религиозного поэта могут быть объяснимы поиском способов эстетического и эмоционального воздействия на читателя. В произведениях нет намёка на пародию, как и нет намёка на какой-то религиозный замысел. Это подтверждается частым смешением христианской лексики и лексики магизма, язычества (*чернокнижница, гадать, ворожея, дьяволица* и др.) на уровне словосочетания или предложения. Приведём пример.

Жизнь! — Без голоса вступает в дом,
В полной памяти даёт обеты,
В нежном голосе полумужском —
Безголосицы **благая Лета**... (16, 257).

Написание существительного Лета с прописной буквы в этом фрагменте отсылает к античному понятию ЛЕТА (гр. *Lethe* букв. *Забвение*) — 1) в древнегреческой мифологии — река забвения в подземном царстве, вода которой заставляла души умерших забыть жизнь на земле, всё прошлое 2) *кануть в Лету* — быть забытым, бесследно исчезнуть [7]. На мотив забвения указывают строки: «...как смерть и как разлука. / Развораживающий настой, / Сладость обморочного оплыва». Но написание этого слова в составе словосочетания *благая лета* в контексте слов *без голоса, хрип, обезголосившая дива, безголосицы* не может не вызывать ассоциации с церковной молитвой, песнопением из молебна о здравии: «*Благоденственное и мирное житие, здравие и спасение, и во всё благо поспешение подаждь, Господи, ныне тезоименитому рабу Твоему (имя рек) и сохрани его на Многая и **Благая лета!***» Возникающая энантиoseмия внутри словосочетания создаёт мотив забвения среди живущих.

Приведённые примеры показывают смешение лексики подобных групп, стилизацию религиозных жанров как намеренный творческий приём Марины Цветаевой, благодаря которому поэту удаётся создать новые смыслы, выразить невыразимое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенштейн Е. Колокол с эхом в стужившейся сини: Рождественские стихи Иосифа Бродского. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/1/a18.html> (дата обращения: 05.07.2021).
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. — М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. — 571 с.
3. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 864 с.
4. Горюшина Р. И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002.
5. Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/> (10.08.2017) (дата обращения: 05.07.2021).
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. — 862 с.
7. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. — М.: «Азбуковник», 2003. — 1040 с.
8. Малый академический словарь: Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. — М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1957–1961.
9. Православное богослужение. Режим доступа: <https://azybka.ru/bogoslužhenie/molitvoslov/molitv01.shtml> (дата обращения: 05.07.2021).
10. Русский семантический словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: РАН. Институт русского языка: Азбуковник, 1998. — 948 с.

11. *Слаутина М. В.* Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-reprezentatsii-khristianskoi-kartiny-mira-v-leksike-russkogo-yazyka#ixzz4pKjnCdgp> (дата обращения: 05.07.2021).
12. *Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний / Г. Н. Склярёвская.* — М. : Астрель, 2008. — 447 с.
13. *Словарь собственных имён русского языка / под ред. Ф. Л. Агеенко.* — М. : ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2010. — 880 с.
14. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. — М. : 1983. — 284 с.
15. *Фатеева Н. А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. — М. : 2000. — 282 с.
16. *Цветаева М. И.* Стихотворения и поэмы. — Л. : Сов. писатель, 1990. — 800 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).
17. *Чо Кю Юн.* Религиозный атеизм в творчестве В. Маяковского. Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2008/liter2.html> (дата обращения: 05.07.2021).
18. *Швейцер В.* Марина Цветаева. — М. : Молодая гвардия, 2009. — 592 с. (Жизнь замечательных людей).

REFERENCES

1. *Ayzenshteyn, E.* Kolokol s ekhom v sgustivsheysya sini: Rozhdestvenskie stikhi Iosifa Brodskogo [A bell with an echo in the thickened blue: Christmas poems by Joseph Brodsky]. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/1/a18.html> (accessed: 05.07.2021).
2. *Akhmanova, O. S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic Terms Dictionary] / O.S. Akhmanova. — 2-e izd., ster. — M. : URSS: Editorial URSS, 2004. — 571s.
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' sinonimov russkoy rechi: ideograficheskoe opisaniye, antonimy, frazeologizmy [A large explanatory dictionary of synonyms of Russian speech: ideographic description, antonyms, phraseological units] / Pod obshch. red. prof. L. G. Babenko. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2008. — 864 s.
4. *Goryushina, R. I.* Leksika khristianstva v russkom yazyke (sistemnyye otnosheniya pryamykh konfessional'nykh i proizvodnykh svetskikh znacheniy slov) [The vocabulary of Christianity in the Russian language (system relations of direct confessional and derived secular meanings of words)]. Abstract of the dissertation / Volgograd, 2002.
5. *Elistratov, V. S.* Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.) [Russian Argot Dictionary]. Available at: <http://www.gramota.ru/slovari/argo/> (10.08.2017) (accessed: 05.07.2021).
6. *Efremova, T. F.* Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy [The New Russian Language Dictionary]. — M. : Russkiy yazyk, 2000.– 862 s.
7. *Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V.* Novyy slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i slovosochetaniy [The New Foreign Words Dictionary: 25,000 words and phrases]. — M. : «Azbukovnik», 2003. — 1040 s.
8. *Malyu akademicheskii slovar' [Small Academic Dictionary: Russian Language Dictionary: in 4 vol.]* — M. : Institut russkogo yazyka Akademii nauk SSSR. Evgen'eva A. P. 1957–1984.
9. *Pravoslavnoye bogoslužhenie [Orthodox Liturgy].* Available at: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/molitvoslov/molitv01.shtml> (accessed: 05.07.2021).
10. *Russkiy semanticheskii slovar' [Russian Semantic Dictionary].* Pod red. N. Yu. Shvedovoy. — M. : RAN. Institut russkogo yazyka: Azbukovnik, 1998. — 948 s.

11. *Slautina, M. V.* Osobennosti reprezentatsii khristianskoy kartiny mira v leksike russkogo yazyka [Representation features of the Christian world view in Russian language vocabulary]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-reprezentatsii-khristianskoi-kartiny-mira-v-leksike-russkogo-yazyka#ixzz4pKjnCdGP> (accessed: 05.07.2021).
12. Slovar' pravoslavnoy tserkovnoy kul'tury: bolee 2000 slov i slovosochetaniy [Dictionary of Orthodox Church culture: more than 2000 words and phrases] / G.N. Sklyarevskaya, — M. : Astrel', 2008. — 447 s.
13. Slovar' sobstvennykh imen russkogo yazyka [Proper names of Russian language dictionary]. Pod red. F. L. Ageenko. — M. : OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie»», 2010. — 880 s.
14. *Toporov, V. N.* Prostranstvo i tekst [Space and the text] // Tekst: Semantika i struktura. — M., 1983. — 284 s.
15. *Fateeva, N. A.* Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov [Intertextuality counterpoint, or Intertext in the text world]. — M. : 2000. 282 s.
16. *Tsvetaeva, M. I.* Stikhotvoreniya i poetry [Verses and poems]. — L. : Sov. pisatel', 1990. — 800 s.
17. *Cho Kyu Yun.* Religioznyy ateizm v tvorchestve V. Mayakovskogo [Religious atheism in the works of V. Mayakovsky]. Available at: <http://jurnal.org/articles/2008/liter2.html> (accessed: 05.07.2021).
18. *Shveytser, V.* Marina Tsvetaeva [Marina Tsvetaeva]. — M. : Molodaya gvardiya, 2009. — 529 s.